

С самого рождения он не видел комнаты грязнее и беспорядочнее этой.

Вещи валялись как попало, повсюду, где только можно. Книги, умудрившиеся долететь до потолочных балок, надкусанное яблоко, засохшие до черноты куски маньтоу на столе — при приближении к ним в нос ударял затхлый запах плесени.

Одежда, то ли ношенная, то ли чистая, была разбросана по полу или навалена грудями, не оставляя ни сантиметра свободного пространства, чтобы ступить.

Чемодан, который Линь Чаогэ принесла сегодня утром, стоял посреди комнаты. Он был открыт, а содержимое вывернуто наружу.

Вся комната выглядела так, будто её обчистили воры. Даже такой хладнокровный человек, как Бай Цинсин, замер на пороге, совершенно не понимая, с чего начать.

— Молодой господин, это... — Юаньбао, только что пристроивший багаж Бай Цинсина, тоже застыл на месте, растерянно хлопая глазами.

В руках он держал единственный сундук Бай Цинсина — всё, что дал ему с собой старший господин; у самого юноши вещей почти не было.

— Кроме одежды — всё выбросить! — бросил Бай Цинсин. В его голосе сквозило раздражение. Он потер виски и, чтобы не видеть этого безобразия, направился к единственному в двореке старому креслу-качалке.

Теперь он понял, что именно имел в виду учитель, говоря о беспорядочном образе жизни Линь Чаогэ.

В восточной комнате было две кровати. Линь Чаогэ облюбовала ту, что у окна, слева, но и правая была полностью занята — там высились горы её одежды. Как только Бай Цинсин открыл шкаф, всё его содержимое с грохотом вывалилось наружу, и как бы он ни старался, запихнуть его обратно было невозможно. По большей части там были безделушки, сделанные кустарями.

Делать нечего, Бай Цинсин велел Юаньбао перенести вывалившуюся одежду на правую кровать, расчистить там хоть немного места и начать сортировать вещи по сезонам. Зимнее к зимнему, летнее к летнему, тёмное вниз, светлое вверх. Юаньбао, хоть и был расторопным, провозился долго.

В один шкаф всё не влезало, а второй, по идее предназначенный для Бай Цинсина, тоже был захвачен Линь Чаогэ. Впрочем, её одежды было не так много, основной объём занимал всякий хлам.

Всё это были мелкие вещицы: выбросить жалко, а толку никакого. Линь Чаогэ просто сваливала их под кровать, чтобы глаза не мозолили.

Юаньбао, словно неугомонная домохозяйка, взялся за перестановку: двигал шкафы, столы, стулья, драил и тёр всё вокруг, пока тряпка не приходила в негодность. К тому времени, как солнце начало клониться к западу, в комнате стало заметно чище.

Бай Цинсин же сидел в стороне, закинув ногу на ногу, попивал чай и читал книгу. Его светло-карие глаза, в которых словно рассыпались звёзды, отражали блики солнца, игравшие на поверхности озера.

Юаньбао старался, но Линь Чаогэ так запустила комнату, что даже за полдня удалось отвоевать лишь крошечный пяточок для жизни.

Первый день в академии не предполагал серьёзной учёбы: нужно было сдать домашние задания, обсудить программу, а новеньким — представиться и показать свои таланты. Утро было потеряно из-за уборки, но учитель обещал наверстать упущенное после обеда.

Бай Цинсин опасался, что, появившись без приглашения, лишь помешает другим, да и интереса к подобным развлечениям у него не было. Вместо того чтобы скучать в компании, он предпочёл наблюдать за тем, как Юаньбао наводит порядок, попутно критикуя увиденное.

Непонятно, как та девица вообще могла здесь жить, не испытывая отвращения от грязи.

Юаньбао, получив указание, отложил работу и отправился к месту сбора, чтобы передать учителю, что господин занят уборкой и не придёт. Учитель, бросив взгляд на Линь Чаогэ, увлечённую игрой в тоуху, понимающе кивнул.

Линь Чаогэ не поняла, в чём дело, но у неё возникло дурное предчувствие.

Перед ужином она вернулась в комнату, чтобы сменить одежду на что-то потеплее. Весь день в лекционном зале она продрогла и не собиралась терпеть дискомфорт, поэтому накинула плащ, закутавшись с ног до головы. По иронии судьбы, она выбрала наряд того же цвета, что и Ван Сифэн.

Тот тоже сменил зелёное на кремово-белое. Когда они оказались рядом, сходство стало очевидным. Ван Сифэн, чья внешность была не столь утончённой, как у Бай Цинсина, а скорее женственной, в этом цвете выглядел как девица в мужском платье. Вместе они смотрелись как пара, что привело Ван Сифэна в неопишемую ярость.

Линь Чаогэ весь вечер делала вид, что не замечает испепеляющего взгляда за спиной. Ван Сифэн, должно быть, проклял её сотню раз, но ей было всё равно. Она всё думала о словах Юаньбао про уборку и о том, что Бай Цинсину нужно выделить место. От этих мыслей она не могла сосредоточиться на книге.

После занятий Линь Чаогэ с книгами в руках вернулась в восточный двор. Дверь была открыта. Она толкнула её, вошла, но тут же попятилась назад, подумав, что ошиблась комнатой.

— Нет, всё верно, это здесь, — пробормотала она.

Вспомнив что-то, она испуганно шагнула внутрь и увидела знакомую фигуру.

— Брат, посмотри, что ты натворил! — воскликнула она, указывая на идеальный порядок. — Зачем ты так вычистил комнату?

Она специально создавала хаос: стоило кому-то попытаться убрать, как она тут же всё

разбрасывала снова, доводя ситуацию до абсурда. Кто-то сдавался и съезжал, кто-то пытался очистить лишь свой угол, но, не выдержав её стиля жизни, тоже сбегал. В итоге она осталась одна.

Месяц назад, опасаясь, что учитель подселит кого-то ещё, она превратила комнату в помойку, от которой разило за версту. Кто бы мог подумать, что этот Чёрный Лотос не побоится и переедет сюда, да ещё и наведёт такой блеск.

Пол сиял, как начищенное зеркало. Её разбросанные вещи были аккуратно сложены. Комнату украсили каллиграфические свитки, на стенах появились горшки с плющом и хлорофитумом. В пустые бутылки были посажены цветы, расставленные на подоконнике. Красиво, конечно, но весной и летом не оберёшься комаров.

Да как у него это получается?

Бай Цинсин, не поднимая глаз, расставлял чайный столик:

— В этой комнате такая приятная атмосфера. Тебе не жаль было доводить её до такого состояния?

— Я здесь живу, мне и решать, — отрезала Линь Чаогэ.

Раньше она делала это, чтобы помочь другим перебраться в общежитие учителей, где условия были куда лучше, но студентам там жить запрещалось. Один сокурсник попросил её устроить беспорядок, чтобы иметь повод съехать. Она согласилась — и ему помогла, и сама осталась в одиночестве. Почему бы и нет?

Но теперь привычка к беспорядку стала второй натурой. Она даже Си'эр запрещала убираться, потому что после её уборки она не могла ничего найти.

Си'эр понимала уборку как сваливание вещей в кучу, а Бай Цинсин — нет. Он расставил чайник и чашки по местам, вымыл их, вскипятил воду и ошпарил посуду.

Чёртов педант-девственник.

— Знаешь, почему я так захламляла комнату? — прямо спросила она.

— Не знаю, и мне неинтересно, — парировал Бай Цинсин.

— Я не люблю жить с кем-то, понимаешь?

Бай Цинсин поставил чашку на стол:

— Так распорядился учитель.

Линь Чаогэ замолчала. Крыть было нечем.

В академии изучали шесть искусств: ритуал, музыку, стрельбу из лука, управление колесниц, каллиграфию и математику, а также написание эссе. Первые шесть развивали общие навыки, а эссе требовало умения применять знания на практике. На экзаменах ценились именно эссе и знание классики.

Первым уроком была каллиграфия. Учитель Цзэн начал издавека, с истории и значения стилей.

— В каллиграфии есть шесть видов письма: пиктограммы, идеограммы, составные идеограммы, фоноидеограммы, заимствованные и видоизменённые знаки, — вещал учитель.

Под его монотонный голос веки Линь Чаогэ начали слипаться. Оглядевшись, она увидела, что остальные выглядят не лучше, и, успокоившись, приготовилась задремать. Но урок прервал Учитель Линь, вошедший в класс с помощником.

При виде того, кто следовал за учителем, у Линь Чаогэ возникло дурное предчувствие.

— Бай Цинсин, с этого дня будешь сидеть здесь, — сказал Учитель Линь, бросив предостерегающий взгляд на Линь Чаогэ, которая выпрямилась и уткнулась в книгу, опасаясь заразиться ленью.

Бай Цинсин отодвинул стул, развернул книги и, улыбнувшись своими глазами-лисичками, проговорил:

— Брат Линь, какое совпадение.

Совпадение? Да чтоб тебя!

Узнав, что ей предстоит не только жить, но и сидеть за одним столом с Чёрным Лотосом, Линь Чаогэ впала в глубокое уныние.

К вечеру, когда солнце окрасило небо в оранжевый цвет, Линь Чаогэ, пребывая в прострации, добрела до уединённого пруда. Она смотрела на свои испачканные грязью сапоги и на рыбок в прозрачной воде.

— Брат Линь! — раздался низкий мужской голос.

От неожиданности Линь Чаогэ дёрнулась, поскользнулась, пятка ушла в мягкую почву, и она, беспомощно взмахнув руками, с плеском рухнула в воду.

Холод пронзил её, ноги свело судорогой. Она пыталась выбраться, но вода тянула на дно. Линь Чаогэ захлебывалась, в нос и уши заливалась горькая жидкость. Неужели она умрёт, так и не одолев Чёрный Лотос, просто утонув?

Бай Цинсин, уже собиравшийся уходить, услышал всплески. Поверхность воды бурлила. Линь Чаогэ скрылась под водой, лишь пряди её волос плавали на поверхности, как морские водоросли.

Не раздумывая, он сбросил верхнюю одежду и прыгнул в воду. Пруд был неглубоким, но дно было илистым, а ноги путались в водорослях.

Линь Чаогэ боролась из последних сил, но вода поглощала её. Она почти теряла сознание, когда почувствовала холодные руки, обхватившие её шею.

Бай Цинсин вытолкнул её голову над водой. Линь Чаогэ закашлялась, жадно глотая воздух. Слезы смешались с водой на её лице, но в глазах светилось облегчение: она жива!

На берегу, среди зарослей, она лежала, дрожа от холода. Бай Цинсин, не обращая внимания на то, что его одежда промокла, принялся оказывать ей помощь. Он нажал на её грудь, чтобы она выплеснула воду. Линь Чаогэ с трудом перевернулась и начала рвать. Бай Цинсин, не брезгуя, поддерживал её за спину.

Когда дыхание немного восстановилось, он укрыл её своей одеждой.

— Спасибо, брат Бай, — прошептала она, не в силах пошевелиться.

Он не ответил, лишь помог ей подняться.

Они стояли в сумерках, продрогшие до костей. Линь Чаогэ, стуча зубами, пробормотала:

— Пойдём скорее, холодно.

Бай Цинсин, казалось, не чувствовал холода. Он сменил мокрую одежду и предложил ей сделать то же самое, но она отказалась.

— Хоть какая-то защита от ветра, — твердила она.

Когда они дошли до своего двора, их встретили Юаньбао и Си'эр с фонарями. Увидев их состояние, слуги бросились помогать. Си'эр, рыдая, побежала в дом за одеждой и углем.

— Учись у них, — проворчала Линь Чаогэ, глядя на ревущую служанку. — Хоть бы плащ принесла.

Выпив имбирного чая, она залезла под одеяло в своей кровати и начала переодеваться.

В комнате затопили печь, и вскоре Линь Чаогэ согрелась. Бай Цинсин, переодевшись, вернулся к чтению.

Они молчали, не упоминая о случившемся. В свете масляной лампы за окном слышалось пение ночных птиц. Линь Чаогэ лежала, глядя на зелёные кисточки занавесок, и размышляла: если Чёрный Лотос не съедет, придётся съехать ей самой. Жизнь дороже любых планов.

На следующее утро, на уроке, учитель Цзэн снова устроил разнос за плохие эссе. Особенно досталось Ван Сифэну, чья работа была списана с ошибками. Линь Чаогэ, едва не засыпая от усталости, думала лишь об одном: нужно бежать.

<http://bllate.org/book/22224/2319212>